

СКОТНЫЙ ДВОР

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

Джордж Оруэлл. Новые переводы

Джордж Оруэлл
Скотный двор

«ЭКСМО»

1944

Оруэлл Д.

Скотный двор / Д. Оруэлл — «Эксмо», 1944 — (Джордж Оруэлл. Новые переводы)

Повесть-притча «Скотный двор» Джорджа Оруэлла полна острого сарказма и политической сатиры. Обитатели фермы олицетворяют самые ужасные людские пороки, а сама ферма становится символом тоталитарного общества. Как будут существовать в таком обществе его обитатели – животные, которых поведут на бойню?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Джордж Оруэлл

Скотный двор

Глава 1

Мистер Джонс, хозяин Барского двора, запер на ночь курятники, но забыл спяну про лазы для молодняка. Пройдя нетвердыми шагами к черному ходу, так что свет от его фонаря танцевал по сторонам, он скинул сапоги, нацедил из бочонка в буфетной последнюю кружку пива и поднялся в спальню, где уже храпела миссис Джонс.

Как только свет в спальне погас, во всех надворных постройках началось копошение и шуршание. Днем прошел слух, что старый Мажор, призовой хряк породы мидлуайт, увидел ночью странный сон и захотел поведать о нем другим животным. Было решено, что едва мистер Джонс уйдет к себе, они все соберутся в большом амбаре. Старый Мажор (так его всегда называли, хотя на выставках он был известен под кличкой Краса Уиллингдона) имел на ферме такой авторитет, что все согласились недоспать час, лишь бы послушать его.

В глубине большого амбара на чем-то вроде помоста с охапкой соломы уже разлегся Мажор – под фонарем, свисавшим с балки. Хряку шел тринадцатый год, и с некоторых пор он погрузнел, но все еще сохранял величавый вид, исполненный мудрости и великодушия, хотя клыки ему никогда не подпиливали. Вскоре начали подтягиваться и другие животные, устраиваясь поудобнее, каждое на свой лад. Первыми явились три собаки, Ромашка, Джесси и Ухват, а за ними свиньи, которые тут же расселись рядом у самого помоста. Куры вскочили на подоконники, голуби вспорхнули на стропила, овцы и коровы разлеглись позади свиней и принялись жевать жвачку. Степенно переставляя косматые копыта, пришли двое ломовых лошадей – Боец и Кашка. Они начали топтаться на месте, стараясь не раздавить какую-нибудь мелюзгу в соломе. Кашка была грузной кобылой не первой молодости, раздобревшей после четвертого жеребенка. Боец же – громадная коняга едва ли не в два метра ростом – силой равнялся двум обычным лошадям. Белая отметина на храпу придавала ему глуповатый вид, да он и вправду не блистал умом, но все уважали его за выдержку и поразительное трудолюбие. За лошадьми явились белая коза Мюриел и осел Бенджамин. Бенджамин был самым старым и самым вредным из всех животных на ферме. Он почти всегда молчал, только изредка отпускал циничные замечания – к примеру, он мог заявить, что Бог дал ему хвост, чтобы отгонять мух, но он бы предпочел, чтобы не было ни хвоста, ни мух. Из всех животных он один никогда не смеялся. Если кто-нибудь спрашивал его об этом, Бенджамин отвечал, что не видит ничего смешного. Тем не менее он привязался к Бойцу, хотя никак этого не показывал; по воскресеньям они обычно паслись вместе в загончике за садом, поглядывая по сторонам и не говоря ни слова.

Как только лошади улеглись, в амбар вереницей вбежали утята, отбившиеся от утки. Они побрякивали и шныряли туда-сюда, пытаясь найти место, где их не раздавят. Кашка вытянула могучую переднюю ногу, огородив их, точно стеной, и утята удобно устроились и сразу задремали. В последнюю минуту зашла, жеманясь и хрупая куском сахара, белая кобылка Молли – хорошенькая дурочка, которая возила дрожки мистера Джонсона. Она заняла место вблизи помоста и начала потряхивать гривой в надежде похвастаться вплетенными в нее красными лентами. Наконец, явилась кошка и, по обыкновению приглядев себе самое теплое местечко, втиснулась между Бойцом и Кашкой; там она блаженно промурлыкала всю речь Мажора, не слушая ни единого слова.

Теперь все животные были в сборе, не считая ручного ворона Моисея, спавшего на жерди у черного хода. Когда Мажор убедился, что все удобно устроились и готовы ему внимать, он откашлялся и произнес:

– Товарищи, вы уже слышали, что мне приснился странный сон минувшей ночью. Но об этом я еще поговорю. А сперва скажу кое-что другое. Я думаю, товарищи, что через несколько месяцев меня с вами уже не будет, и прежде, чем я умру, долг велит мне передать вам накопленную мудрость. Я прожил долгую жизнь, многое успел обдумать, лежа в своем закуте, и могу утверждать, что понял, как устроена жизнь на Земле и каковы из себя все живущие ныне животные. Вот об этом я и хочу говорить с вами.

– Так вот, товарищи, как же устроена эта наша жизнь? Давайте признаем, что жизнь наша убога, трудна и коротка. Мы рождаемся, нам дают ровно столько еды, чтобы мы не протянули ноги, а тех из нас, кто пригоден к работе, принуждают трудиться, пока не выжмут все соки; а как только мы перестаем приносить пользу, нас забивают самым чудовищным образом. Ни одно животное в Англии, едва ему стукнет год, не знает ни счастья, ни отдыха. Ни одно животное в Англии не свободно. Жизнь животного – это убожество и рабство; это чистая правда.

– Но заведен ли такой порядок самой природой? В том ли дело, что наша земля так бедна, что не может обеспечить достойную жизнь своим обитателям? Нет, товарищи, тысячу раз нет! Земля Англии плодородна, климат страны благодатен, и она может давать обильную пищу гораздо большему числу животных, чем сейчас ее населяют. Одна наша ферма могла бы обеспечить еще дюжину лошадей, двадцать коров, сотни овец – и все они жили бы в таком раздолье и достатке, какие нам трудно и вообразить. Почему же мы тогда влачим это убогое существование? Потому что почти все плоды нашего труда присваивают люди. Вот, товарищи, и ответ на все наши беды. Он выражается в одном слове: человек. Человек – наш единственный подлинный враг. Стоит убрать человека, и навсегда будут вырваны с корнем голод и непосильный труд.

– Один лишь человек потребляет, но ничего не производит. Он не дает молока, не несет яиц, он слишком слабый, чтобы пахать, слишком медленный, чтобы ловить кроликов. Однако же он властвует над всеми животными. Он заставляет их работать, дает лишь самый минимум, чтобы не подошли с голоду, а остальное берет себе. Наш труд возделывает землю, наш навоз удобряет ее, однако никто из нас не владеет ничем, кроме своей шкуры. Вот вы, коровы, лежащие предо мной, сколько тысяч галлонов¹ молока дали вы за прошлый год? И что случилось с этим молоком, которым вы могли бы вспоить крепких телят? Все оно до последней капли пошло в глотки нашим врагам. А вы, куры, сколько яиц вы отложили за прошлый год, и из скольких вылупились цыплята? Все остальные пошли на рынок, чтобы Джонс и его люди выручили деньги. А ты, Кашка, где твои четверо жеребят, которые были бы тебе опорой и радостью в старости? Каждого из них продали, едва им стукнул год, – и больше ты их не увидишь. Четыре раза ты вынашивала и рожала, а сколько работала в поле – и что ты получила взамен, кроме скудного пайка и стойла?

– Но и такие убогие жизни у нас обрывают раньше срока. Сам я не жалуюсь, я один из счастливчиков. Мне двенадцать лет, и я породил четыре с лишним сотни поросят. Такова естественная жизнь свиньи. Но ни одно животное не спасется в конце от страшного ножа. Вот вы, подвинки, сидящие предо мной, каждый из вас завизжит смертным визгом на бойне – не пройдет и года. Всех нас ждет этот ужас: коров, свиней, кур, овец – всех. Даже у лошадей и собак судьба не лучше. Вот ты, Боец: в тот же день, как ослабеют твои могучие мышцы, Джонс продаст тебя живодеру, который перережет тебе глотку и сварит твоё мясо на корм гончим. Что до собак, как только они постареют и лишатся зубов, Джонс привяжет им кирпич на шею и утопит в ближайшем пруду.

– Так разве не яснее ясного, товарищи, что все зло нашей с вами жизни происходит от людской тирании? Только избавьтесь от человека, и плоды нашего труда станут нашей собственностью. На завтра же мы станем богаты и свободны. Так что же нам делать? Да работать

¹ 1 галлон = 3,78 литра (здесь и далее прим. пер.).

денно и ночью, душой и телом, чтобы свергнуть человеческий род! Вот к чему я призываю вас, товарищи: к восстанию! Не знаю, когда это восстание случится – может, через неделю, а может, через сотню лет – но я осознаю так же ясно, как вижу эту соломинку под ногами, что рано или поздно восстановится справедливость. Вперьте взор в нее, товарищи, сквозь краткий остаток ваших жизней! И самое главное: передайте этот мой призыв тем, кто придет после вас, чтобы будущие поколения продолжили борьбу до победного конца.

– И помните, товарищи, никогда не должна дрогнуть ваша решимость. Ни единый довод не должен вас поколебать. Никогда не слушайте, если скажут вам, что человек и животные имеют общие интересы, что процветание одного есть процветание других. Это все ложь. Человек не служит ничьим интересам, кроме своих собственных. А между нами, животными, да будет безупречное согласие, безупречное боевое товарищество. Все люди – враги. Все животные – товарищи.

После этих слов поднялся шум и гам. Речь Мажора привлекла внимание четырех здоровенных крыс, которые выползли из своих нор и уселись, подняв морды. Их заметили собаки, и только близость нор и крысиная прыть спасла им жизни. Мажор воздел копытце, требуя тишины:

– Товарищи, – сказал он, – вот какой вопрос надо решить. Дикие создания, такие как крысы и кролики, – друзья они нам или враги? Давайте проголосуем. Я выношу этот вопрос на обсуждение: товарищи ли нам крысы?

Тут же провели голосование и с подавляющим перевесом постановили, что крысы – товарищи. Только четверо внесли смуту: три собаки и кошка, которая, как потом оказалось, голосовала за обе стороны. Мажор продолжил:

– Я уже почти все сказал. Только повторю: всегда помните, что ваш долг – бороться против человека и всех его дел. Всякое двуногое – враг. А четвероногое или крылатое – друг. И помните еще, что в борьбе с человеком мы не должны уподобляться ему. Даже после победы не перенимайте его пороков. Никакое животное не должно ни жить в доме, ни спать на кровати, ни носить одежду, ни пить спиртного, ни курить, ни трогать денег, ни заниматься торговлей. Все человеческие обычаи пагубны. И самое главное, никакое животное никогда не должно угнетать себе подобных. Слабые и сильные, умные и кто попроще – все мы братья. Никакое животное никогда не должно убивать другое животное. Все животные равны.

– А теперь, товарищи, я расскажу вам свой сон. Не берусь описать его вам. Мне снилось, какой будет Земля, когда исчезнет человек. И я вспомнил кое-что давно забытое. Много лет назад, когда я был поросенком, мать моя с другими свиноматками бывало пела одну старую песню, из которой они помнили лишь мотив да три первых слова. В детстве я знал этот мотив, а потом как-то позабыл. Однако прошлой ночью он вернулся ко мне во сне. Более того, вернулись и слова песни – слова эти, ручаюсь, пели животные далекого прошлого, но последние поколения уже не помнят их. Сейчас я вам спою, товарищи. Я стар, и голос мой осип, но я только обучу вас песне, а дальше вы будете петь как следует. Она называется «Звери Англии».

Старый Мажор прокашлялся и запел. Несмотря на сиплый голос, пел он довольно прилично, и мотив – что-то среднее между «Клементиной» и «Кукарачей» – брал за душу. Слова были такими:

В землях Англии и Эйре,
И во всех мирских углах,
Песнь мою услышьте, звери,
О грядущих светлых днях.

День придет, и мы воспрянем,
И людская минет власть,

Мы в краю английском станем
На полях резвиться всласть.

Упряжь и седло истлеют,
Сгинет тяжесть хомута,
Кольца, шпоры заржавеют,
Стихнет злобный свист кнута.

Всю пшеницу яровую,
Весь ячмень, овес, фураж,
Клевер, свеклу кормовую,
Человек, ты нам отдашь.

Край английский воссияет
Чистотой ручьев и рек,
Сладкий ветер возглашает:
«Здесь не властен Человек!»

Станем все трудиться вместе —
Конь, индюшка, бык и гусь,
Нам неволя хуже смерти,
Хоть к свободе тяжек путь!

В землях Англии и Эйре,
И во всех мирских углах,
Песнь мою услышьте, звери,
О грядущих светлых днях.²

Пение привело животных в дикое неистовство. Не успел Мажор закончить, как ему стали подпевать. Даже самые тупые уже усвоили мотив и отдельные слова, а что до умных, то есть свиней и собак, так они выучили песню наизусть за несколько минут. И вот после недолгой репетиции вся ферма дружно грянула «Зверей Англии». Каждый пел, как мог: коровы мычали, собаки скулили, овцы блеяли, лошади ржали, утки крякали. Песня так всех восхитила, что они исполнили ее пять раз подряд и могли бы распевать ночь напролет, если бы им не помешали.

К сожалению, этот гвалт разбудил мистера Джонса, и тот вскочил с постели, решив, что во двор забралась лиса. Он схватил ружье, стоявшее в углу спальни, и пальнул в темноту дробью. Дробь врезалась в стену амбара, и собрание спешно завершилось. Все разлетелось по своим местам. Птицы вспорхнули на насесты, животные улеглись на солому, и вся ферма тут же погрузилась в сон.

² Перевод стихотворений здесь и далее В. Чарного.

Глава 2

Через три дня старый Мажор мирно окошел во сне. Его закопали в дальнем конце сада.

Настала весна, и до самого лета полным ходом шла тайная работа. Речь Мажора открыла фермерским животным поумнее совершенно новый взгляд на жизнь. Они не знали, когда случится предсказанное Мажором Восстание, и не чаяли дожить до него, но считали своим долгом его подготовить. Работа по обучению и организации легла естественным образом на свиней, признанных с всеобщего одобрения умнейшими животными. Среди них выделялись два молодых хряка, Снежок и Наполеон, которых мистер Джонс откармливал на продажу. Наполеон был крупным, весьма свирепого вида беркширцем – единственным на ферме. Молчаливый, но известный своим упрямством боров. Снежок был энергичней, голосистей и находчивей Наполеона, но ему недоставало выдержки. Кроме них на ферме не держали хряков, только подсвинков. Самого заметного из них – проворного, упитанного малого с круглой ряской, лукавыми глазками и пронзительным голосом – звали Визгун. Ораторствовал он хоть куда, и стоило ему ввязаться в трудный спор, как свин принимался так рьяно метаться из стороны в сторону, крутя хвостиком, что правота его казалась очевидной. Поговаривали, что Визгун может выдать черное за белое.

Эти трое развили учение старого Мажора до стройной философской системы и дали ей название: анимализм. Два-три вечера в неделю, когда мистер Джонс ложился спать, они устраивали тайные собрания в амбаре и излагали остальным положения анимализма. Поначалу они столкнулись с косностью и равнодушием. Кое-кто из животных твердил о долге верности мистеру Джонсу, называя его хозяином, или высказывал банальности такого рода: «Мистер Джонс нас кормит. Без него мы с голодудохнем». Кто-то не мог взять в толк: «Какое нам дело, что станет после нашей смерти?» Или: «Если это восстание в любом случае произойдет, зачем нам стараться?» И свиньям приходилось всеми силами разъяснять, что это противоречит духу анимализма. Самый идиотский вопрос задала Молли, белая кобылка. Первое, о чем она поинтересовалась у Снежка, это:

– Сахар останется после восстания?

– Нет, – твердо ответил Снежок. – У нас на ферме нет средств для производства сахара. Да и не нужен он тебе. У тебя будет вдоволь овса и сена.

– А ленты в гриве можно будет носить? – спросила Молли.

– Товарищ, – сказал Снежок, – эти ленты, которые так милы тебе, – символ рабства. Разве ты не понимаешь, что свобода дороже, чем ленточки?

Молли согласилась, но без особой убежденности.

Куда сильнее свиньям пришлось напрячься, чтобы опровергнуть ложь, которую разносил ручной ворон Моисей. Он был любимцем мистера Джонса, и все его знали как доносчика, но при этом отменного говоруна. Он заявлял, будто существует таинственная страна с названием Карамельная гора, куда попадают после смерти все животные. Располагалась она, по словам Моисея, где-то в поднебесье, сразу за облаками. На Карамельной горе семь дней в неделю царил воскресенья, круглый год цвел клевер, а на изгородях росли рафинады и льняной жмых. Животные терпеть не могли Моисея, потому что он только рассказывал басни и не работал, но некоторые верили в Карамельную гору, так что свиньям пришлось приложить немало усилий, чтобы разубедить их в ее существовании.

Самыми верными их последователями стали двое ломовых лошадей, Боец и Кашка. Думать своим умом для них было тяжеловато, но, признав свиней за своих учителей, они начали впитывать все услышанное и передавать остальным простыми словами. Они посещали все тайные собрания в амбаре и каждый раз под конец первыми заводили «Зверей Англии».

Вышло так, что Восстание случилось раньше и прошло легче, чем кто-либо ожидал. Мистер Джонс за прошедшие годы показал себя не только суровым хозяином, но и умелым фермером, однако с некоторых пор удача отвернулась от него. Он потерял деньги в судебной тяжбе и сокрушался об этом, отчего пристрастился к выпивке в чрезмерном объеме. Он мог дни напролет проводить в своем виндзорском кресле на кухне, читая газеты, выпивая и время от времени подкармливая Моисея размоченными в пиве корками. Батраки его оказались плутоватыми лодырями, так что поля заросли сорняками, крыши нуждались в починке, изгороди покривились, а животных недокармливали.

Настал июнь, приближалась пора сенокоса. В день летнего солнцестояния, которое пришлось на субботу, мистер Джонс отправился в Уиллингдон и заглянул в таверну «Красный лев», да так напился, что вернулся только в воскресенье, за полдень. Батраки подоили коров рано утром и отправились охотиться на кроликов, не потрудившись задать корму животным. Мистер Джонс по возвращении завалился спать на диване в гостиной, накрыв лицо газетой, а животные оставались некормленными до самого вечера. В конце концов, голод сделал свое дело. Одна корова сорвала рогом замок с двери в житницу, и все животные накинулись на корзины с запасами. Тут-то и проснулся мистер Джонс. Почуввав неладное, он и четверо его батраков влетели в житницу, орудуя кнутами направо и налево. Голодные животные такого не стерпели. В едином порыве, причем без всякого сговора, они бросились на своих мучителей. Джонс со товарищи получили по первое число. Ситуация вышла из-под контроля. Никогда еще они не видели, чтобы скотина так себя вела, и этот внезапный отпор от тварей, к которым они всегда относились с полнейшим пренебрежением, перепугал их не на шутку. Очень скоро они оставили попытки обороняться и дали деру. Через минуту животные, окрыленные таким успехом, гнали всех пятерых по проселочному тракту в сторону большой дороги.

Из окна спальни выглянула миссис Джонс, увидела происходящее, поспешно запихала кое-какие вещички в холщовую сумку и выскользнула с фермы через черный ход. Моисей слетел с жерди и последовал за ней, оглашая местность громким граем. А животные тем временем выгнали компанию Джонса на дорогу и шумно захлопнули за ними бревенчатые ворота. Вот так, не успели наши герои ничего осознать, как Восстание уже завершилось успехом: они изгнали Джонса, и Барский двор перешел к ним.

Животным с трудом верилось в такое везение. Первым делом они обскакали по периметру всю ферму, чтобы удостовериться, что нигде не прячется человек, а затем бросились обратно, на подворье, желая уничтожить последние следы ненавистного владычества Джонса. Они ворвались в сбруйницу с краю конюшни; мундштуки, трензели, собачьи цепи, страшные ножи, которыми мистер Джонс кастрировал свиней и ягнят, – все полетело в колодец. Вожжи, уздечки, шоры, позорные торбы бросили в костер с мусором, который пылал во дворе. И кнуты – туда же. Как только они занялись огнем, все животные запрыгали от радости. Снежок также бросил в огонь ленты, которыми обычно украшали лошадям гривы и хвосты в рыночные дни.

– Ленты, – сказал он, – надо приравнивать к одежде, то есть к человеческим приметам. Все животные должны быть нагими.

Услышав это, Боец принес соломенную шляпу, которую носил летом, чтобы мухи не лезли в уши, и тоже бросил ее в костер.

Животные в два счета уничтожили все, что напоминало им о мистере Джонсе. Затем Наполеон снова повел их в житницу и выдал всем двойную порцию корма, а собакам – по две галеты. После этого все запели «Зверей Англии», исполнили ее семь раз от первого до последнего слова и только потом пошли устраиваться на ночь – и спали так сладко, как никогда прежде.

Проснулись они как всегда на рассвете и, вспомнив вдруг случившееся чудо, все вместе высыпали на пастбище. Довольно скоро они вышли к пригорку, с которого виднелась почти

вся территория фермы. Животные взбежали на него и стали оглядываться в ясном утреннем свете. Да, все принадлежало им – все, куда хватало глаз, принадлежало им! В упоении от этой мысли они принялись скакать кругами, взмывая в воздух от восторга. Они катались по росе, набирали полные рты сладкой летней травы, выворачивали куски чернозема и вдыхали его богатый аромат. Затем они отправились осматривать всю ферму и обошли в немом восхищении пашни, луга, сад, пруд и рощу. Словно впервые они увидели ферму и до сих пор с трудом верили, что все это принадлежало им.

Затем животные устремились обратно на подворье и остановились в молчании у дверей хозяйского дома. Он теперь тоже принадлежал им, но входить туда было боязно. Однако Снежок с Наполеоном побороли страх, налегли на дверь, и животные гуськом вошли внутрь, двигаясь с величайшей осторожностью, чтобы не задеть чего-нибудь. Они переходили на цыпочках из комнаты в комнату, переговаривались шепотом и глазели в невольном благоговении на немыслимую роскошь: кровати с периной, зеркала, диван с конским волосом, плюшевый ковер, литографию королевы Виктории над камином в гостиной. Они уже повернули назад к лестнице, когда обнаружили, что Молли пропала. Стали искать ее и нашли в парадной спальне. Молли взяла голубую ленту с туалетного столика миссис Джонс, перекинула ее через плечо и любовалась на себя в зеркало, дура душой. Остальные решительно приблизились к ней и увели из дома. По пути они взяли с кухни окорока, чтобы предать их земле, а Боец пробил копытом бочонок с пивом в буфетной; в остальном же дом не пострадал. Тут же было принято единогласное решение, что хозяйский дом станет музеем. Все согласились, что никакое животное никогда не должно там жить.

После завтрака Снежок с Наполеоном снова всех созвали.

– Товарищи, – сказал Снежок, – сейчас полседьмого, и впереди у нас долгий день. Сегодня мы начнем жатву. Но есть еще одно дело, которое надо решить в первую очередь.

И свиньи признались, что за последние три месяца они научились читать и писать по старому букварю детей мистера Джонса, который нашли в мусорной куче. Наполеон велел принести банки с черной и белой краской и повел всех к бревенчатым воротам, выходившим на большую дорогу. Тогда Снежок (письмо давалось лучше именно ему) зажал в копытце кисть, закрасил слова «БАРСКИЙ ДВОР» на верхней перекладине и вместо них написал: «СКОТНЫЙ ДВОР». Отныне так стала называться ферма. После этого все вернулись на подворье, и Снежок с Наполеоном послали за стремянкой, чтобы приставить ее к торцевой стене большого амбара. Свиньи объяснили, что, благодаря своей учебе, они сумели выразить положения анимализма в Семи Заповедях. Сейчас они напишут на стене эти Семь Заповедей, являющие собой неизменный свод законов, по которому должны жить во веки веков все обитатели Скотного двора. Не без трудностей (не так-то легко свинье лезть на стремянку) Снежок вскарабкался наверх и принялся за работу, а чуть пониже стоял Визгун, держа банку с краской. Заповеди вывели на просмоленной стене большими белыми буквами, так что они читались ярдов³ с тридцати. Вот они:

СЕМЬ ЗАПОВЕДЕЙ

1. Всякое двуногое – враг.
2. Всякое четвероногое или крылатое – друг.
3. Животное да не носит одежды.
4. Животное да не спит на кровати.
5. Животное да не пьет спиртного.

³ 30 ярдов = 27,43 метра

6. Животное да не убьет другое животное.

7. Все животные равны.

Слова вышли на редкость аккуратно и, не считая ошибки в слове «друг» («дург») и одной «с», повернутой не в ту сторону, грамматика была в полном порядке. Снежок прочитал все вслух для общего ознакомления. Все животные кивнули в полном согласии, а те, кто поумнее, принялись заучивать заповеди.

– А теперь, товарищи, – прокричал Снежок, отбрасывая кисть, – на нивы! Пусть для нас станет делом чести убрать урожай быстрее, чем это делал Джонс со своими батраками.

Но тут громко замычали три коровы, с некоторых пор подававшие признаки беспокойства. Их уже сутки не доили, и вымя у них едва не лопалось. Свиньи, немного подумав, велели принести ведра и довольно сносно подоили коров – раздвоенные копытца неплохо для этого подходили. Вскоре перед ними стояло пять ведер жирного пенистого молока, на которое многие животные уставились с явным интересом.

– Что будет со всем этим молоком? – спросил кто-то.

– Джонс иногда подмешивал его нам в корм, – сказала одна курица.

– О молоке не волнуйтесь, товарищи! – выкрикнул Наполеон, вставая перед ведрами. – О нем позаботятся. Урожай важнее. Нас поведет товарищ Снежок. Я вас догоню через пару минут. Вперед, товарищи! Сено ждет.

И животные двинулись на нивы за сеном, а когда вернулись вечером, молока уже и след простыл.

Глава 3

Сенокос заставил их трудиться до седьмого пота! Но усилия их были вознаграждены, ибо собранный урожай превзошел все ожидания.

Работа порой продвигалась с трудом; инвентарь был рассчитан на людей, а не на животных, которые, к сожалению, не могли пользоваться инструментами, требовавшими стоять на задних ногах. Но свиньи были до того умны, что находили способ обойти любые сложности. А лошади знали каждый дюйм на поле и разбирались в косьбе и жатве куда лучше, чем Джонс со своими батраками. Свиньи не работали, как другие, но занимались руководством и надзором. Ученость естественным образом возвышала их над остальными. Боец и Кашка впрягались в косилку и конные грабли (ни удил, ни вожжей им, конечно, не требовалось) и упорно бороздили поле круг за кругом, а за ними шла свинья, покрикивая: «Наддай, товарищ!» или «Осади назад, товарищ!», смотря по ситуации. И все животные от мала до велика ворошили и копнили сено. Даже утки и куры весь день носились под солнцем, собирая колоски. В итоге поле обработали на два дня раньше, чем обычно удавалось Джонсу с батраками. И никогда еще ферма не видела столь обильного урожая. Ни соломинки не пропало; зоркие куры с утками не пропустили ни единой былинки. И никто не украл больше нескольких зернышек.

Все лето работа на ферме шла, как часы. Животные были так счастливы, как и помыслить не могли. Каждый кусок корма теперь казался им лакомством, ведь это была подлинно их пища: они вырастили ее сами для себя, а не получили из рук скупердя-хозяина. Избавившись от людей, этих никчемных паразитов, они могли есть вдоволь. И свободы у них прибавилось, хотя животные не очень понимали, что с ней делать. Трудностей им тоже хватало, особенно ближе к осени, когда поспел урожай: им пришлось лущить зерна на старый лад, выдувая мякину собственным дыханием, так как на ферме не было механической молотилки, но их, как всегда, выручала сообразительность свиней и огромные мускулы Бойца. Все восхищались Бойцом. Он и при Джонсе был трудягой, теперь же, казалось, и вовсе рвал жилы за троих; случались дни, когда он один вытягивал всю работу на ферме. С утра до ночи он толкал и тащил, всегда оказываясь там, где сложнее всего. Он попросил одного петуха будить его поутру на полчаса раньше всех и трудился сверхурочно на самых важных местах до начала рабочего дня. На всякую проблему и осечку он знал один ответ: «Буду больше работать» – это стало его личным девизом.

И каждый трудился по мере своих сил. Куры с утками, к примеру, собрали оставшиеся в поле зерна на пять бушелей⁴. Никто не крал, никто не жаловался на порции; склоки, грызня и зависть, бывшие в порядке вещей в прежние дни, почти прекратились. Никто не отлынивал от работы, точнее, почти никто. Молли – что правда, то правда – с трудом вставала по утрам и норовила уйти с работы пораньше, оправдываясь тем, что в копыте застрял камешек. Да и кошка вела себя весьма своеобразно. Было замечено, что всякий раз, как намечалась работа, кошка исчезала. Она пропадала часами, а потом возникала, как ни в чем не бывало, к обеду или к вечеру, когда работа подходила к концу. Но она всегда давала такие красноречивые объяснения и так нежно мурлыкала, что нельзя было не поверить в ее добропорядочность. Только старого осла Бенджамина Восстание, похоже, совсем не изменило. Он выполнял свою работу в той же медлительной, своенравной манере, как и при Джонсе, никогда не уклоняясь, но и не делая больше, чем надо. О самом Восстании и его итогах он не высказывал мнений. Когда же его спрашивали, разве не стал он счастливее без Джонса, он только говорил: «Ослиный век долог. Дохлого осла никто из вас не видел» – и понимай, как знаешь.

⁴ 5 бушелей = 181,5 литра.

По воскресеньям не работали. Завтракали на час позже обычного, а после завтрака устраивали церемонию, проходившую каждую неделю без заминки. Первым делом поднимали флаг. Снежок отыскал в сбруйнице старую зеленую скатерть миссис Джонс и нарисовал на ней белой краской копыто и рог. Каждое воскресное утро скатерть взлетала по флагштоку в сад у фермы. Снежок объяснил, что зелень флага означает зеленые поля Англии, а копыто и рог знаменуют грядущую Скотную Республику, которая возникнет, когда человеческий род окончательно свергнут. После поднятия флага все животные дружно шли в большой амбар на общее собрание под названием Сходка. Там планировалась работа на следующую неделю, выдвигались и обсуждались разные резолюции. Резолюции всегда выдвигали свиньи. Другие животные могли голосовать, но на собственные резолюции смекалки у них не хватало. И в обсуждениях активней всех проявляли себя Снежок и Наполеон. Но было замечено, что эти двое никогда не могут прийти к соглашению: что бы ни предложил один, другой непременно ему возражал. Даже когда решили – уж здесь, казалось, и возразить было нечего – отвести загончик за садом под дом отдыха для пожилых животных, разгорелся ожесточенный спор о том, каких животных в каком возрасте можно считать пожилыми. Сходка всегда заканчивалась пением «Зверей Англии», а после полудня каждый делал что хотел.

Свиньи устроили в сбруйнице свою штаб-квартиру. Там вечерами они изучали по взятым из хозяйского дома книгам кузнечное дело, плотничество и другие необходимые ремесла. А Снежок к тому же занимался организацией так называемых Скотных комитетов. В этом он был неутомим. Для кур он учредил Комитет яйцекладки, для коров – Лигу чистых хвостов, для крыс и кроликов (которых удавалось приручить) – Комитет перевоспитания диких товарищей, для овец – Движение за белую шерсть и немало прочих в том же духе, не говоря о кружках ликбеза. В целом ничего хорошего из этого не вышло. К примеру, попытка приручить диких тварей провалилась почти сразу. В их повадках мало что менялось, но они не упускали случая воспользоваться чужой щедростью. Кошка вступила в Комитет перевоспитания и несколько дней проявляла активное участие. Один раз ее видели на крыше за разговором с воробьями, сидевшими поодаль. Кошка говорила им, что все животные теперь товарищи, и любой воробей может запросто присесть ей на лапу; но птицы держались настороженно.

А вот кружки ликбеза дали результат. К осени едва ли не все животные на ферме худо-бедно обучились грамоте.

Сами же свиньи в совершенстве овладели чтением и письмом. Собаки тоже неплохо знали грамоту, но не испытывали интереса читать что-либо, кроме Семи Заповедей. Коза Мюриел выучилась чтению даже лучше собак и иногда по вечерам зачитывала другим обрывки газет, найденных в мусорной куче. Бенджамин умел читать не хуже свиней, но ему это было без надобности. Он утверждал, что ничего путного, насколько ему известно, не написано. Кашка выучила весь алфавит, но складывать слова не научилась. Боец не продвинулся дальше буквы Г. Он мог вывести мощным копытом в пыли А, Б, В, Г, после чего стоял и тарасился на буквы, прижав уши и иногда встряхивая челкой. Как он ни старался, он не был в силах вспомнить, что идет дальше. Впрочем, несколько раз ему удавалось выучить Д, Е, Ж и З, но тогда оказывалось, что он забыл А, Б, В и Г. Наконец, он решил, что с него хватит и первых четырех, и стал каждый день выписывать их раз-другой, освежая память. Молли отказалась учить что-либо, кроме четырех букв своего имени. Она аккуратно выкладывала его из прутиков, украшала цветочками и ходила кругами, любуясь результатом.

Остальная скотина на ферме не продвинулась дальше А. Также выяснилось, что животные поглупее – овцы, куры и утки – не в состоянии выучить Семь Заповедей. После долгих размышлений Снежок объявил, что Семь Заповедей можно, по сути, свести к единственной максиме, а именно: «Четыре ноги – хорошо, две ноги – плохо». Он сказал, что в этом изречении заключается базовый принцип анимализма. Всякий, кто всецело его постигнет, будет

защищен от человеческого влияния. Поначалу птицы воспротивились, так как им казалось, что у них тоже по две ноги, но Снежок доказал им, что это не так.

– Птичье крыло, товарищи, – объяснил он, – есть орган движения, а не манипуляции. Поэтому оно должно быть приравнено к ноге. Тогда как отличительным признаком человека является РУКА – инструмент, посредством которого он и творит все свои злодеяния.

Птицы не поняли длинных слов Снежка, но приняли его объяснение, и все животные поглупее принялись заучивать новую максиму. Над Семью Заповедями на стене амбара вывели большущими буквами: «ЧЕТЫРЕ НОГИ ХОРОШО, ДВЕ НОГИ ПЛОХО». Когда же овцы затвердили эту максиму, она пришлась им весьма по душе. Очень часто, лежа на лугу, они принимались блять: «Четыре ноги – хорошо, две – плохо! Четыре ноги – хорошо, две – плохо!» – и повторяли так часами, ничуть не уставая.

Наполеон не проявлял интереса к комитетам Снежка. Он считал, что важнее дать образование молодежи, чем возиться с теми, кто постарше. Случилось так, что вскоре после сбора урожая Джесси и Ромашка ощенились девятью крепкими щенятами. Как только их отлучили от груди, Наполеон забрал щенков у матерей со словами, что он берет их воспитание на себя. И унес на сеновал, куда можно было забраться только по стремянке, стоявшей в сбруйнице, так что их никто не видел. Вскоре все о них забыли.

Неожиданно прояснилась таинственная история с пропажей молока. Свины каждый день подмешивали его себе в корм. Тогда же поспели ранние яблоки, и траву в саду усеяла падалица. Животные полагали само собой разумеющимся, что яблоки поделят поровну; однако вышел приказ собрать всю падалицу и отнести в сбруйницу для одних только свиней. Кое-кто начал роптать, но без толку. Все свиньи были единогласны, даже Снежок с Наполеоном. Визгуна послали провести с остальными разъяснительную работу.

– Товарищи! – воскликнул он. – Надеюсь, вы не думаете, что мы, свиньи, делаем это из жадности, как самые главные? На самом деле, многие из нас не любят молоко и яблоки. Я сам их терпеть не могу. Мы принимаем их с единственной целью – сохранить наше здоровье. Молоко и яблоки (это, товарищи, доказано Наукой) содержат элементы, абсолютно необходимые для жизнедеятельности свиней. Мы, свиньи, – работники умственного труда. На нас лежит все руководство и управление этой фермой. Днем и ночью мы заботимся о вашем благе. Это ради ВАШЕГО блага мы пьем молоко и едим яблоки. Вы знаете, что случится, если мы, свиньи, не справимся? Вернется Джонс! Да, вернется Джонс! Уж не хотите ли, товарищи, – воскликнул Визгун почти жалостно, мечась из стороны в сторону и крутя хвостиком, – не хотите ли вы, чтобы Джонс вернулся?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.